

Станислав САХОНЧИК

ПОХОЖДЕНИЯ КАПИТАНА МИШЕЛЯ И ДРУГИХ ВОЕННЫХ

Капитан медицинской службы Михаил Леонтьевич Криволап, начальник лазарета 441-го зенитно-ракетного полка, прибыв в полк из командировки с эшелоном призывников, неожиданно исчез из поля зрения начальства на трое суток. Так же неожиданно появившись, в весьма помятом виде и с солидных объёмов «выхлопом», он со смиренным видом принял заслуженные «фитили» от начмеда и начальника штаба и приступил к своей обычной работе.

А вот свою-то повседневную работу бравый капитан (по жизни любитель экстремальных развлечений и эпатажного поведения) не особенно жаловал, вполне справедливо считая её скучной и рутинной, и при каждом удобном случае переваливал её на нас – фельдшеров, солдат срочной службы.

Но мы особенно не обижались – капитан Мишель (так все в нашем полку его звали, за глаза, конечно) был мужиком незаурядным, неисчерпаемым источником остроумия и экстравагантных поступков. Был в нём некий шарм, позволявший ему избегать серьёзных последствий своих подвигов. Его широкая натура не вписывалась

в жёсткие рамки армейской гарнизонной службы, и начальство старалось его спихивать с глаз долой – то на целину, то на полигоны, то в сопровождение эшелонов, то в командировки по пограничным дивизионам.

Мишель относился к категории «пятнадцатилетних капитанов», и командиры полка (а он пережил четверых) не раз то представляли его к званию майора, то грозились разжаловать до старшего лейтенанта – в зависимости от результатов его походов.

Круче Мишеля был в этом деле только «старший лейтенант Советского Союза» запойный алкоголик Коля Лескив из седьмого дивизиона (тринадцать лет «старшелейтенантского» стажа!), отец которого закончил службу в Великую Отечественную старшим лейтенантом, а дед в Первую мировую – поручиком.

Вообще-то капитан Михаил Леонтьевич Криволап был мужик весьма и весьма неглупый – в своё время он с отличием окончил морской факультет Военно-медицинской академии и был направлен начальником медслужбы на один из новых тогда черноморских эсминцев-«тридцаток-бис». Он был чемпионом ЧФ по лёгкой атлетике, активным комсомольцем и просто счастливым молодожёном. Но грянуло хрущёвское сокращение, эсминец пошёл на слом, а лейтенант Криволап был скоропостижно обут в сапоги и направлен вместе с рыдающей женой в зенитно-ракетные войска на Дальний Восток.

С тех пор Мишель тихо взбунтовался и возложил на службу приличных размеров болт. В знак протеста против пехотного застоя он всегда носил тельняшку и повсеместно применял заковыристые морские словечки.

Впрочем, в части было много офицеров, переведённых в зенитно-ракетные войска из флота и береговой артиллерии, и все они поголовно носили тельняшки и тихо тосковали по морю. Кипучая натура Мишеля могла бы полностью развернуться где-нибудь на войне, однако (к нашему счастью) войн поблизости не было. Он постоянно где-то разъезжал, но его редкие появления в части всегда сопровождались всякого рода приключениями или просто хохмами. Вот лишь некоторые из историй о бравом капитане.

На приёме

Конец ноября, между сопок дует промозглый ветер с Японского моря. Холодно и сыро. Мы с капитаном сидим на приёме больных в полковом медпункте.

Мишель, облачённый в белый халат, выглядит непривычно серьёзным, кучерявая неуставная причёска задорно вылезает из-под колпака. Он задумчиво смотрит в окно на казарму, откуда должны появиться «больные и увечные воины», жаждущие сострадания и медицинской помощи. Неожиданно его взгляд оживляется: из казармы вывалила кучка солдат в шапках и одних гимнастёрках и бодрой рысью, громыхая подковками по асфальту, шустро понеслась в сторону медпункта.

– Ага, попёрли, с-симулянты хреновы! Вот смотри и учись, сейчас каждый из них будет жалобно кашлять и непременно прихрамывать на правую ногу. Это, брат, моё личное наблюдение на грани кандидатской диссертации. Я этих орлов насквозь вижу. Шоферня из автороты, мля, не желает в караул идти. Но пара человек, не больше, – те точно больные. Ну-с, вот и поглядим кто кого... Я им, мля, покажу, как старого военного доктора дурить! Сколько служу – ни хрена не меняется!..

Входит бравый белобрысый сержант, дежурный по роте, с книгой записи больных под мышкой. Руку под козырёк, лихо рапортует:

– Тащц ктан! Больные в количестве восьми человек доставлены! Дежурный по роте сержант Теребилов!

– А ты случайно не армянин?

– Не-ет, русский, вятский! С Уржума я, деревня Теребиловка... А с чего это вы взяли, товарищ капитан, про армянина-то?

– Да, вишь, были у нас как-то в части несколько армян. Тер-Гукасян, Тер-Маркарян... Вот и ты тоже вроде как «Тер-...», только не скажу какой! Ну ладно, давай своих доходяг...

Озадаченный сержант, оставив книгу, выходит.

Натужно кашляя в кулак и подволакивая правую ногу, заходит первый солдат, снимает гимнастёрку. Капитан суёт ему градусник и подчёркнуто внимательно слушает его фонендоскопом. Ничего, разумеется, не находит, температуры тоже нет.

– Ладно. Подожди в коридоре.

Солдат выходит, прихрамывая уже на левую ногу. Мишель радостно подмигивает: один симулянт есть!

Входит следующий – снова надсадный сухой кашель, жалобный вид побитой собаки и попеременная хромота на обе ноги. Мишель его прослушивает и простукивает.

– Ты чего это, братец, так странно ходишь? Задница болит, что ли?

– Дык это... тоже маленько побаливает.

– Так, значитца, приступообразный кашель, плохое самочувствие, боль в заднем проходе опять же... Классический случай, коллеги! Все симптомы геморроидальной астмы налицо! Редкостная вещь в наших краях! Сам первый раз вижу. Стас, – это уже мне, – тащи сюда ректоскоп, глядеть в кишку будем.

Я вытаскиваю из шкафа устрашающего вида никелированную трубу ректоскопа (давно списанного и немного ржавого). Побледневший боец, оценив внушительный диаметр трубы и предстоящие «приятные» ощущения в заднице, испуганно спрашивает:

– А это ещё что такое? Зачем?

– Инструмент для чтения задних мыслей, мля! – злорадно говорит Мишель, с чувством хлопая резинкой перчаток. – Значит, так, воин, спускай штаны и ж... – на Полярную звезду.

Солдат с истерическим воплем «Не надо!» вылетает в коридор.

– Вот видишь, и хромота сразу прошла, и кашля нет, – наставительно говорит мне Мишель, снимая резиновые перчатки. – А вот тебя бы он в два счёта надурил. Зелёные вы ещё...

Робко прихрамывая, входит Витька Ли – знакомый шофёр с хлебовозки. Сачок ещё тот, хотя и наполовину китаец! Но радикулит-то у него и правда есть. Витька, сощутив хитрые узкие глаза, артистично войдя в образ страждущего, сразу начинает жаловаться на ангину, головные боли, спазмы в животе, ломоту в ногах и ещё на кучу всяческих болячек. Мишель, подперев подбородок рукой, с выражением неискреннего сочувствия на лице рассеянно слушает, рисуя чертей на бланке рецепта.

– Слушай, Ли, как же ты в армию-то попал с такими болячками? Ты же мне уже весь справочник врача рассказал, кроме гинекологии. Ты хоть ходить-то ещё можешь?

– Могу!

– Ну так и пошёл на х...! Будешь мне тут мозги засорять!

Ли пулей вылетает из кабинета.

Прошло ещё несколько солдат – кто с фурункулом, кто с ангиной (его оформили в лазарет). Остальные понуро ждали в коридоре. Последний боец как-то робко пожаловался на головную боль.

– А это, братец, не ко мне, это к гинекологу, – наставительным тоном произнёс капитан. – Головная боль – это, братец ты мой, женская болезнь, а у нормального советского солдата может только башка трещать или жбан раскалываться. Вот тебе таблетка аспирина – и гуляй.

Мишель, выйдя с сигаретой в коридор, дал указания Теребилову: одного – в лазарет, двоим – освобождение от нарядов и работ на трое суток, остальных признать годными к строевой без ограничений – и к старшине за нарядами да в караул. Да ещё, сжалившись, дал для караула полулитровую банку «Гексавита»: ночью холодно, а съешь перед выходом на пост штук пять витаминок, и кожа начинает гореть от «никотинки», в аккурат на два часа хватает – старый солдатский приёмчик.

Амбулаторный приём окончен, и Мишель, с сознанием выполненного долга, направляется в аптеку – «накатить спиртику» с последующим снятием пробы на полковой кухне и отдыхом в свободной палате до обеда. А перед сном почитать пару страничек из своего любимого «Декамерона», заботливо упакованного в обложку от «Устава внутренней службы ВС СССР» – для пущей конспирации.

Пополнение

В часть прибыло новое пополнение – бритые наголо испуганные пацаны с цыплячьими шеями, в мешковатой, ещё не обмявшейся форме и колом стоящих кирзачах.

Начались карантин и курс молодого бойца. На третий день всем стали заполнять медицинские книжки, проводить медосмотр и делать положенные прививки.

Мы с Мишелем, облачённые в белые халаты, сидели на приёме и потихоньку развлекались, заполняя книжки и глядя, как юные воины пачками валятся в обморок при виде шприца.

– Гляди, Стас, кого только тут нет, один, мля, смешней другого, – удивлялся капитан, разглядывая список. – Сплошь немцы –

Гартман, Швальб, Классен, Герклец. Один испанец – Мартинес. Даже итальянец вроде – В. К. Понини... Так, В. П. Пырэу – этот вроде чукча. А уж узбеков, мля, – язык поломаешь... Ты смотри, а у молодняка даже Рокоссовский и Малиновский есть! Ладно, давай их всех сюда по алфавиту.

И пошла потеха...

– Абдурахманов!

Вошёл худой узкоглазый парнишка с испуганным взглядом.

– Имя?

– Насралла.

– Национальность?

– Уйгур.

– Ну ни хрена себе, такой молодой, а уже уйгур, да ещё и Насралла. Эк тебя угораздило-то!

Парнишка молча потупился и едва не заплакал. Его отловили в степи, где он безмятежно пас баранов, и на вертолёте доставили в другую, чужую и непонятную жизнь.

«Проскочив» десяток узбеков и обозвав одного (по аналогии) Полупердыевым, Мишель утомился и потребовал предъявить ему чукчу Пырэу.

Однако вошёл совершенно славянского вида кучерявый парень, с носом картошкой. Капитан удивлённо на него воззрился.

– Национальность?

– Молдаванин.

– Ни хрена не пойму: писатель Рытхэу – вроде как чукча, а Пырэу – так почему-то молдаванин. А что твоя фамилия обозначает?

– По-молдавски «рыу» – река, а «пырэу» – ручеёк!

– Н-да, явно не чукча. Жаль, а то у нас на свинарнике один коряк обитает. Оленевод, мля! Свиной лихо арканом ловит – форму, стервец, поддерживает... К ракете же его не подпустишь – шесть классов и коридор, но скотину здорово понимает. Всё по напарнику скучает, в одиночку-то про тундру петь скучно. Он поёт, свиньи с испугу визжат. Красота... Интересно, кто же тогда итальянец? А давай-ка его сюда!

Вошёл высокий парень, сильно смахивающий на японца.

– Фамилия?

– Надзира По-ни-ни.

– Имя?
– Владимир.
– Национальность?
– Кореец! С Сахалина. Но можно считать хохлом — призвался из Киева!

– Да что за невезуха такая — никак отгадать не могу. Старею, видать!.. Давай Рокоссовского с Малиновским, у меня уже плохие предчувствия. Сегодня явно не мой день.

Вошли два не совсем типичных бурята, лет по двадцать пять.

– Откуда такие фамилии, ребята?

– А у нас в улусе после войны «рокоссовцы» стояли!

– С вами понятно... Стас! — это уже мне. — Выясни, кто такие Шкарапуз и Бздюлёв — и хорош с загадками на сегодня. Утомили, мля! Дальше вы уж сами.

Я выяснил. Шкарапуз был из «западенских» хохлов. А вёрткий маленький русак Бздюлёв, с детдома привыкший к повседневному отстаиванию своего достоинства, утром в одиночку отметелил пятерых узбеков, слишком уж буквально понявших его фамилию.

Так что судить о человеке по одной фамилии — очень даже опрометчиво! Особенно в армии.

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

– Ну вот тебе и твой линкор, — сказал флагманский врач майор Петровский и указал из штабного окна на крутобокий двухмачтовый маленький кораблик с высокой жёлтой надстройкой, пришвартованный у пирса между ощетинившейся пушками громадиной крейсера «Дмитрий Пожарский» и госпитальным судном «Обь».

«Линкор», носящий гордое имя «Илья Муромец», был обычным портовым ледоколом, дооборудованным для проведения спасательных операций и обеспечения космических полётов по загадочной программе «Эллипс». По этому случаю он ходил под флагом вспомогательного флота ВМФ, в штате была должность судового врача и крохотная амбулатория. Выйдя из штаба, я с направлением в руках пошёл на судно. Рядом с крейсером «Пожарский» был пришвартован маленький сторожевик 50-го проекта

под индийским военно-морским флагом. Причём на «Пожарском» у кормового флагштока монументально стоял здоровенный румяный матрос в постовом тулупе, а на корме сторожевика скрючился от холода усатый индус в чалме и нейлоновой куртке, вытирая соплю огромными рукавицами-«шубенками».

Первым, кто мне встретился на борту, был шустро вылезший из-под трапа судовой пёс. Потомственный «дворянин» неопределённой масти, одетый в жилетку из старой тельняшки, покрытую масляными пятнами, внимательно обнюхал штанину и, молча цапнув её зубами, потянул в сторону вахтенного матроса. Тот лениво цыкнул на пса и вызвал вахтенного помощника. Я представился и был препровождён к капитану. Невысокого роста седой моряк, одетый в тщательно выглаженную форму, с чёрной перчаткой на левой руке, взял мои документы, внимательно их просмотрел, представился: «Пётр Петрович Симон». Приветливо улыбнувшись, завёл обычный в таких случаях разговор: откуда родом, как долго думаю служить. Потом представил старпому, дал ключи от каюты, старпом провёл по судну и указал место в кают-компани. Весь этот ритуал занял минут двадцать. Я зашёл в маленькую тесную каютку, которая отныне должна была стать моим домом на несколько лет, бросил вещи на койку, присел на крохотный диванчик и задумался о смысле жизни.

Ещё неделю назад я был младшим научным сотрудником на кафедре мединститута, но судьба, дав заметный крен, неожиданно отправила меня в море. Нельзя сказать, чтобы я был новичком на флоте, — окончил курс военно-морской подготовки, стажировку прошёл на подводной лодке, приемлемо ориентировался в морской терминологии и практически не укачивался. Однако куда меня заведёт эта дорожка в обозримом будущем, было пока неясно.

Через десять дней, оставив все земные проблемы за кормой, мы уже шли на Камчатку для обеспечения зимней навигации. В Охотском море попали в шторм, и нас двое суток, выматывая душу, болтало на волнах. Отдыхали от качки, только залезая носом на редкие большие льдины, благо что для ледакола это вполне возможно.

В море сходятся быстро, и через пару дней я уже не был чужим в кают-компани «Муромца». Штурманы и механики были

в основном люди бывалые, прошедшие не одну тысячу миль, но, как правило, сидящие «под колпаком» у отдела кадров и дальше линии Мокпхо — Нагасаки заходить не имеющие права. Проступки были по тем временам весьма серьёзные, главным образом либо «политического» характера, либо алкогольного.

Капитан, например, не отказался от приглашения поужинать в американском консульстве в Сингапуре, куда их пригласили после того, как они силами экипажа потушили начинающийся пожар на стоящем рядом в доке американском сухогрузе «Виксбург». Всё это было расценено политотделом флота чуть ли не как измена Родине, поскольку «Виксбург» где-то числился в резерве Командования морских перевозок ВМФ США. У других было примерно то же, однако мужики относились к этому философски и оптимизма не теряли.

Зимняя Камчатка поражала сдержанным великолепием и чистотой красок. Тёмно-синее море с иссиня-белыми льдинами, белые дымящиеся шапки вулканов, голубое небо, чёрный, мрачный гранит береговых скал — всё это очень напоминало картины Роквелла Кента, не хватало только эскимосов и собачьих упряжек.

Судно с ходу включилось в работу по обеспечению вывода на дежурство атомных подводных лодок, так как их корпуса, обклеенные для бесшумности резиновыми плитами, были очень чувствительны к хождению во льдах. Ледокол пробивал дорожку в ледяном поле, а лодка, пристроившись к вырезу в корме, шла за ним до чистой воды. Потом, после пробного погружения, эта субмарина уходила в океан на долгое дежурство, а ей на смену всплывала лодка, пришедшая из похода.

Рутинная каждодневная работа по расчистке фарватера длилась весь короткий световой день, а иногда и ночью. Хождение судна по ледовым полям напоминало езду на телеге по ухабистой дороге, выложенной крупными булыжниками, да так, что аж зубы тряслись. Перерывы были только на обед и ужин.

Я втянулся в работу, и вскоре мне стало казаться, что не было никакой кафедры, никакой лаборатории и никаких белых халатов — всегда было море, пароход и команда, и всю жизнь я только тем и занимался, что стоял вахты и выводил лодки из ледовых полей. Сидя вечером на диване в уютно покачивавшейся кают-компании, слушая рассказы бывалых моряков о далёких тропических

островах под свист пурги, бушевавшей за прочными стальными бортами, я испытывал тёплое чувство причастности к великому морскому братству и полной защищённости, такой, как в детстве, в родительском доме.

Однажды по делам службы я задержался в Петропавловске, и ледокол ушёл в море без меня. В штабе бригады сказали, что «Муромец» подойдёт в базу только вечером.

Три долгих часа, показавшихся вечностью, я потерянно бродил по деревянной палубе бывшего парохода «Теодор Нетте» (того самого «парохода и человека»), посаженного на грунт со срезанными надстройками и превращённого в причал для вспомогательного флота), ощущая себя жутко одиноким и брошенным на произвол судьбы, пока в ночной темноте яркими звёздами не показались ходовые огни ледокола. Обледеневший «Муромец», весело сияя палубными огнями, как рождественская ёлка, лихо пришвартовался к причалу, я пулей влетел по трапу и пришёл в себя только в своей каюте, показавшейся мне самым уютным местом на свете.

Такого чувства радости я больше не испытывал никогда, хотя после проплавал и повидал вполне достаточно. К тому же у меня тогда не было квартиры на берегу, и судно было в полной мере и моим домом. Душой команды, конечно, был капитан. Пётр Петрович начинал ещё в войну юнгой, потом окончил мореходное училище и всю свою сознательную жизнь проплавал в море. Он обошёл практически весь свет, был очень эрудированным и простым в обращении человеком. Авторитет его среди нашей «пиратской» команды был непререкаем, начальство тоже относилось к нему с уважением.

Прошла камчатская зима, выглянуло яркое весёлое солнце, началось таяние льдов, и ледокол, распрощавшись с гостеприимным Петропавловском, направился обратно во Владивосток.

Когда мы были уже на траверзе бухты Ольга, капитан вызвал меня к себе и поздравил с получением визы на заграничное плавание – из штаба пришла радиограмма. Мы с ним долго и откровенно беседовали в его каюте о будущем. Уже было известно о моём назначении на средний морской танкер «Илим», идущий на ремонт во Францию с последующей боевой службой в Красном море. Предстоял рейс длиной не менее года, и старый капитан по-отечески

мудро учил меня жизни. По приходе во Владивосток я с ходу включился в суматоху по подготовке судна в долгий рейс и оформлению документов.

Уже через десять дней танкер «Илим» вышел в Японское море и взял курс в Индийский океан. Дальше были Красное море, Суэцкий канал, Средиземное море и порт Марсель.

Дальше были несколько лет, прошедших в непрерывных плаваниях, с редкими и короткими пребываниями на берегу.

Были и «ревущие сороковые» в Индийском океане, песчаные бури Персидского залива и Красного моря, изумрудная зелень Сейшельских островов и удушливый аромат цветов острова Маврикий. Были и другие корабли и суда, другие командиры и капитаны.

Возвращаясь в родную бухту после долгих странствий, я всегда искал глазами знакомые мачты ледокола, как ищет взглядом человек после долгой разлуки крышу своей первой школы и родного дома.

И всегда, когда я вспоминаю свою не такую уж и долгую морскую жизнь, мне сразу приходит на память маленький ледокол и его седой капитан с пронцательными серыми глазами и мудрой стариковской улыбкой. Капитана уже давно нет с нами, старый ледокол «Илья Муромец» списан «на гвозди» в 93-м, да и я уже очень давно плаваю только по морю житейскому за письменным столом. Но память исправно хранит всё, и они часто приходят ко мне во сне, все вместе – первый пароход и первый капитан...

Рутинная каждодневная работа на судне, работа на море, работа на берегу, работа в порту, работа в городе, работа в семье, работа в жизни, работа в любви, работа в дружбе, работа в вере, работа в надежде, работа в мечте, работа в стремлении к лучшему, работа в поиске истины, работа в служении людям, работа в служении Богу, работа в служении Отечеству, работа в служении Родине, работа в служении миру, работа в служении человечеству, работа в служении будущим поколениям, работа в служении истории, работа в служении культуре, работа в служении искусству, работа в служении науке, работа в служении правде, работа в служении справедливости, работа в служении свободе, работа в служении демократии, работа в служении прогрессу, работа в служении развитию, работа в служении процветанию, работа в служении счастью, работа в служении любви, работа в служении жизни, работа в служении вечности.